

Ирина Устинова

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, сегодня читатель располагает неограниченной возможностью высказаться. С другой стороны, все-таки нет особенно выдающихся творений. Что, на ваш взгляд, происходит? Не утрачивает ли российская литература свое мировое значение?

— Я уже не раз говорил в своих статьях, что не литература утрачивает свое эпохальное значение, а некоторые силы антинародного направления «утрачивают» литературу, затушевывают ее, опакивают, принижают, извращают, превращают в анекдот, в пошлость и ложь, нередко в золотой обертке. Великая страна имеет великого читателя. И он был, этот читатель, невиданный и многочисленный, читатель, жаждущий познать истину, а не хилое подражание истине, узнать человека, а не машиноподобное существо машиноподобного века. Ведь писались книги для умного читателя. И исконная правда души человеческой: радость, страсти, пороки, добро, зло, ненависть — раскрывались всей нашей историей, а не судьбой одинокой человеческой жизни, без которой нет самой истории. Мы живем в безвременье, без больших идей, без естественной доброты и нравственности, без скромности и защитительной стыдливости — мы свободны, мы раскрепощены до той степени, что готовы кричать в приступе счастливой вседозволенности. «Да здравствует повальное свержение юбок и брюк!»

Наша свобода — это свобода плевка в свое прошлое, настоящее и будущее, в святое, неприкосновенное, чистое, уже неповторимое в истории. Эти плевки «демократической свободы» все-таки не запачкали, не загрязнили величайшую русскую литературу и искусство советского периода, создавшего мировые шедевры.

Хорошо знаю: несмотря на безвременье, моими товарищами пишутся романы о современности, обещающие сказать о наших днях со всей серьезностью.

— Цензура не жаловала великих Толстого, Достоевского, Чехова, не говоря уже о советских писателях. Как этот департамент

Бондарев Юрий Васильевич — автор романов «Тишина», «Горячий снег», «Двое», «Берег», «Мгновения», «Выбор», «Игра». Лауреат Ленинской и Государственных премий, лауреат премий Л.Н.Толстого и М.А.Шолохова, Всероссийской премии «Сталинград», Герой Социалистического труда. Имея немалый опыт работы с журналистами, Бондарев сразу же решил себя обезопасить. Он повел разговор крайне осторожно, очень вежливо настаивая на своей схеме общения. Прежде всего еще по телефону пожелал знать подробно весь круг предполагаемых вопросов.

Поселок в лесу — тихий, сугробный, с заборами, с атмосферой. Попадаются виллы явно нового времени из полюбившегося красного кирпича, но в основном дома постройки советского периода, на сегодняшний глаз не особенно впечатляющие.

Остановилась у ворот озабоченного двухэтажного желтого дома. Хозяин встречал. Я впервые увидела Юрия Бондарева. Он сразу показался гораздо моложе, удивил основательностью, очень строгим пронизывающим взглядом, я бы сказала ястребиным, немного смягчившийся только в следующую встречу. Определенно — затворник. Крепкое рукопожатие, чувствительное еще время спустя.

Бондарев всегда выходил огромными тиражами. Года полтора назад закончилось издание девяти томника. Недавно я прошлась по магазинам центра Москвы, зашла даже в букинистический, но, к сожалению, книг Юрия Бондарева не нашла.

Независимая газ. —
1999. — 16 марта. — с. 7

Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

Юрию Бондареву — 75 лет

ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ДАТА

коснулся вашего творчества, и были ли у вас в этой связи в известное время какие-либо проблемы?

— С цензурой сталкивались все художники во все времена. В критике нет критериев, поэтому оппонент, отрицая, может говорить, что ему вздумается, не прилагая лишнего ума. В цензуре критерии секретности присоединяют к себе на подмогу и категории политические, и защитно-нравственные (борьба с порнографией и т.д.).

В перестроечные времена среди так называемой творческой интеллигенции возник оглушающий плач и вопль, скрежет зубовой: пожалейте сирых ради божественного искусства! Нас мордовала, терзала цензура, нас не печатали, нас держали в наручниках, пытали в кабинетах свирепые чиновники с красными и синими карандашами в руках. Как выяснилось немного позднее — ни один мало-мальски выдающийся роман замордован не был. Пострадавшие изливали слезы литературно-луковые, дабы нажить капитал талантливого страдальца.

Роман Гроссмана был действительно арестован, однако не цензурой, а более серьезными органами, что само по себе является далеко не разумным действием. С романом «Доктор Живаго» — история запутана тремя узлами, и тайные перипетии меня мало интересуют.

Я не буду жарко рыдать и требовать мщения цензуре, хотя имел с ней дело по поводу почти каждого моего романа, начиная с «Батальоны просят огня». Сейчас уже не имеет значения, как я бранился с главным цензором и не главными цензорами, какие я принимал решения после долгих разговоров, какие были компромиссы, чтобы спасти вещь, но факт тот, что на притупление в тексте я шел в безвыходных случаях, между тем лукавая и оставляющая ту же мысль и остроту правды через страницу. «Тишина», «Двое», «Берег», «Выбор», киноэпопея «Освобождение» не раз слышали сердитою направлением речи, но от заметной хирургической операции они были спасены, понесся, конечно, некоторые потери, о которых говорить сейчас — значит «плакаться горько» на потребу правды дураков. Кстати, потери в последующих изданиях были восстановлены, за исключением конца «Батальонов...» Страницы потеряны, и о них следует забыть.

— Сегодня русская литература наконец освободилась от пресса цензуры, лично вам легче стало писать?

— Цензура — это не пресс, а препятствие, которое надобно преодолеть. Препятствия в жизни необходимы так же, как пери-

од суеты сует и томления духа. Нет такой поры в жизни писателя, когда легко писалось бы. Цензура к «письму» не имеет никакого командного отношения. Писание романов — занятие не для трусливых и робких, ибо каждое слово порождает и друзей, и недругов. Книга до той минуты, пока читателем не раскрыта первая страница, — нейтральная полоса, никем не завоеванная территория; как только раскрыта первая страница, начинается сражение между автором и читателем. Милостив Бог, когда читателю автор становится другом — встреча старых друзей, как после долгой разлуки. — и это самое ценное, что несет в себе советская литература.

— У вас, можно сказать, на редкость благополучная творческая судьба. Вы писали когда-нибудь «в стол»?

— О моем благополучии начала писать критика, когда я стал, что называется, признанным. Да, в 1956 году я въезжал в литературу на белом коне, крепко жаждал под мышкой повесть «Батальоны просят огня», своим заглавием, как видите, вызывая огонь на себя. Едва появилась повесть в журнале «Молодая гвардия», критика, оглянувшись, как по команде, начала длинными очередями бить в упор на поражение. Первая статья, выстрелившая из газеты «Комсомольская правда», называлась весьма знаменательно: «Реализм, убивающий правду». Читатель же принял повесть (простите за нескромность) восторженно, к автору появились обширный интерес: конференции, дискуссии, встречи, приглашения в разные города, нескончаемые письма. И только долго спустя о повести вдруг заговорили иначе — совсем противоположное тому, что печаталось прежде. Так, впрочем, было и с «Тишиной», и с «Игрой».

А в общем-то свою литературную судьбу я считаю вполне счастливой. Пьесы по моим романам около десяти лет шли с аншлагами в театрах. Почти все мои вещи экранизированы. Мои книги переведены более чем на 70 иностранных языков и на все языки СНГ... «В стол» я никогда не писал, но кое-что из написанного для себя я пока не печатаю.

— Юрий Васильевич, над чем вы работаете сейчас?

— Это современный роман — история молодого человека 80–90-х годов.

— У героев ваших произведений, как правило, были прототипы, есть ли отправная история у нового романа?

— Прототипы — сама жизнь, в которой, я надеюсь, можно узнать многих, в том числе и самих

себя, хотя говорить о прототипах смысла нет. Это скользкая и неблагоприятная тема. Добавлю что, Дон Кихот, герой XVI века, не исчерпал себя и в наш сумасшедший век.

— Скоро ли читатель увидит ваше новое произведение?

— Надеюсь закончить роман в этом году, работы еще много. Без тщательного письма, без тщательного выполнения и отшлифовки любой талант рискует воздвигнуть себе статую из картона. Современный постмодернизм никаким краем не трогает меня. Внешней новизне я предпочитаю правду, мысль и предельно обогащенное чувство. Я за расширенную метафору в прозе, гиперболу, фантастику, обобщающий символ. Неведомая сила издавна отталкивала меня от писателей, чье воображение было застегнуто на все пуговицы. Эти творцы непремено благоразумны, даже в знаках препинания, выученных в школе.

— Есть ли уже договоренность с каким-либо издательством на новую книгу?

— С книжным издательством нет. Роман появится в «Роман-газете». Я человек солдатский, работа пока еще не закончена, бежать вперед книги на два километра не люблю.

— Вы всегда писали о столкновении долга, совести, истинности, любви с корыстью, карьеризмом. Этот ракурс человеческих черт и отношений мне интересен вам?

— Гомер, Шекспир, Бальзак, Толстой, Бетховен, Достоевский, Чайковский, — по сути, все они говорили миру об одном и том же: о человеке в истории и об истории в человеке, все они считали самым значительным сюжетом жизни Иисуса Христа. В этой евангельской истории все происходит на современное: вера, любовь, разрушение несправедливого и неразумного, ненависть, страдание, раскаяние (не покаяние по-интеллигентски!), корыстолюбие, предательство, смерть...

Не осуществлена глобальная тема: все человечество будет неоплаканым за великий обман природы и за порочность обман.

Литературная библия XX века — пока еще Шолохов. Великая советская литература — это время Шолохова. Однажды я слышал хорошую читательскую фразу о «Тихом Доне»: «многочитанный и многолюбимый роман». Как это ни парадоксально, недруги и яростные клеветники Шолохова, его мстительные завистники, пожалуй, до сих пор не осознают, какое благо они сделали для культуры России. С той многозначнейшей секунды, когда вышел в свет «Тихий Дон», критика неустанно,

тература, не дочерняя ли это сестра европейской с элементом урбанистического фоторомана?

Мой ночной столик завален книгами, которые я перечитываю. Сейчас, например, здесь Монтень рядом с Буниным, кудесником слова, божественный Тютчев и строгий Плутарх.

Тут хочется сказать, что талант и гений — не золотой самородок, упавший с неба, а это смертный человек (и в то же время бессмертный), рожденный не благостным роком на лазоревой лужайке, в теплой росе, а мировыми конфликтами, страданиями, страстями, пороками, смирием, любовью к женщине. Они знали о человеке почти все и готовы жить «решительно за всех». Так приблизительно мог бы сказать поэт. Поэтому нельзя задуть свет из творений. Забытый классик остается классиком. Независимо от нашей памяти и нашего настроения его вернет самое время. Талант и гений идут своим трудным, непроторенным путем, спотыкаясь в ямах, падая и вставая. Однако они вызывают при этом неприязнь, зависть и злобу у тех благоразумных тщеславцев, кто идет по накатанному шоссе, заложив руки в карманы и мечтая о лавровом венке, якобы уготованном им. Так было и так будет. А я верю в неизбывную традицию искусства, в ту традицию, которая соблюдает закономерности вкуса, неписанных и неуставленных законов, мгновений между светом и тьмой, отвергает полуправду и сохраняет приметы жизни, нравы, мужество, честь, совесть — сохраняет потомкам. Лиловое не всегда есть обязательно розовое. Опаснее всего с улыбкой прославлять, влюбленно с поклонами выдавать лукавого и посредственного писателя за светоча слова.

— В советские времена все очень любили Дом литераторов. Там происходило много разных событий, и исторических тоже. Был прекрасный ресторан с великолепной кухней, одной из лучших в Москве. Одним из столов, это был дом. Вам его не достает?

— В ресторан ЦДЛ заходил не так уж часто и сейчас обхожусь без него, как будто его и нет.

— Юрий Васильевич, я поняла, что вы фактически постоянно живете в Подмоскovie, видимо, московская жизнь вас не очень интересует?

— Московская жизнь, кроме

раздражения и больной головы, не дает ничего. Сплошные декорации в купеческом театре, которые пошатываются от дуновения ветра. Мишура, ложный блеск поддельных бриллиантов. Равнодушная толпа с пустым взором. Черные колготки возле освещенных подъездов отелей. Театры, где господствуют хрупкие режиссеры.

— Наверное, что-то изменилось и в писательском поселке. Появились ли новые люди, интересные, нет ли, имеющие отношение к сфере культуры?

— С новыми людьми в нашем писательском поселке общения у меня нет, кроме вежливых: «Здравствуйте» и «Всего хорошего».

— Вы отпустили свои создания, фактически все ваши персонажи обрели вторую жизнь, вошли в иную плоскость, получили не только читателя, но и зрителей. Наверное, есть режиссеры, актеры, наиболее близко подошедшие к вашему пониманию литературного героя. Какой фильм вы считаете наиболее интересным, удавшимся?

— Затрудняюсь выбрать любимое дитя. Я любил тот кинематограф и был тесно связан с ним. Современный кинематограф совершенно не знаю, а то, что вижу по телевидению случайно, — мне не по душе. В сладострастном упоении своей ненавистью ко всему русскому наше телевидение, изуродованное яковлевской гласностью, гонит советскую и русскую культуру, заменяя ее исковерканностью естества и пошлостью, и порнографией, и насилием, и дикостью пещерной. Я извездил более половины мира, но такого расхристанного, невежественного, тупого, глупейшего в своей вульгарности телевидения не видел нигде.

— Юрий Васильевич, как вы думаете, поколение двадцатилетних читает ваши книги?

— Проведенное недавно исследование Российской национальной библиотеки показало, что книги мои, слава богу, в разных концах России пока еще читают.

Интересным действием нашего с Юрием Бондаревым общения было письменное изложение с моей стороны предлагаемых вопросов по пунктам и со стороны Юрия Васильевича, по его желанию, ответное изложение текста на бумаге, сразу оградившее его от перефразирований и неточностей в этом интервью. Как получается только у людей очень занятых, с жестким графиком работы, Юрий Васильевич, «закрывает» — по его выражению — «все шлюзы», отодвигая дела, погружаясь в работу и даже на день раньше нашей договоренности по военному доложил о готовности. ■